

Г. А. Кошеленко

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ПАРФИИ

(вторая половина I в. до н. э. — начало I в. н. э.)

ПРИ ИЗУЧЕНИИ истории Парфянского государства в I в. до н. э. — I в. н. э. основное внимание исследователей концентрируется обычно на проблемах его взаимоотношений с Римом, их военных столкновений и дипломатической борьбы. Гораздо меньшее внимание привлекает разворачивающаяся в это время внутривосточная борьба в Парфии, приведшая в конце концов к падению старших Аршакидов и установлению власти новой династии. Конечно, нельзя утверждать, что этот вопрос совершенно не интересовал историков. Фактическая сторона событий, их последовательность, роль Рима изучены уже достаточно тщательно¹. Но неисследованной остается сама причина этой борьбы, те внутренние силы, которые стояли за спиной тех или иных претендентов на аршакидский престол. Обычно эти события рассматриваются только как проявление внутривосточной борьбы, осложненной иногда римским вмешательством. Такое понимание вряд ли может быть верным потому, что обострение внутривосточной борьбы совпадает по времени с весьма сложным процессом в развитии парфянской культуры и государственности, главным содержанием которого было постепенное вытеснение, преодоление и переработка всего эллинистического, что осталось как наследие бывшего владычества Селевкидов, и утверждение своего, местного, идущего либо от культурной традиции Парфяны и Маргианы, либо от Ахеменидов².

Это, безусловно, две стороны одного и того же процесса, стержнем которого стали взаимоотношения с Римом и тесно связанные с ними вопросы о роли и месте эллинистического наследия. Разный подход к этой проблеме в среде правящих слоев, разные методы решения породили те бесконечные внутренние усобицы в Парфии, которые характеризуют вторую половину I в. до н. э. — начало I в. н. э. Внешнее выражение эта борьба находит в столкновениях различных претендентов на аршакидский престол.

¹ G. Rawlinson, *The Sixth Great Oriental Monarchy*, L., [1873; A. Gutshmid, *Geschichte Irans*, Tübingen, 1888; N. C. Debevoise, *A Political History of Parthia*, Chicago, 1938; Н. В. Пигулевская, *Города Ирана в раннем средневековье*, М.—Л., 1956; М. М. Дьяконов, *Очерки истории древнего Ирана*, М., 1961.

² М. Е. Массон, *Новые данные по истории Парфии*, ВДИ. 1950, № 3, стр. 44—50.

Задача данной работы — попытаться определить силы, которые стояли за претендентами на аршакидский престол. Сложность при этом заключается в чрезвычайной скудости источников и их крайней односторонности и тенденциозности. Подавляющее большинство греко-римских авторов смотрят на происходящие события из-за вала римского военного лагеря, видя в парфянах своих искошных врагов³. Но и эта скудная традиция в сочетании с данными нумизматики все же позволяет наметить основные линии происходящих событий, понять, хотя бы только в самых общих чертах, те глубинные процессы, внешним выражением которых была борьба претендентов на аршакидский престол.

Первое (в рассматриваемый период) известное нам столкновение претендентов за власть произошло в 57—55 гг. до н. э. Политическая обстановка на Ближнем Востоке в этот период складывалась следующим образом: римляне владели почти всей Малой Азией (Пергам, Вифиния, Киликия, Галатия). В восточной ее части находились зависимые от Рима царства — Армения, Каппадокия, Коммагена. На Кавказе иберский и албанский князьки номинально признавали господство Рима. В руках римлян была также вся Сирия и прибрежная часть Палестины (см. Дьяконов, ук. соч., стр. 208 сл.). Ряд последующих завоеваний привел римлян непосредственно к границам Парфии, и было ясно, что распространение римской агрессии на восток, в пределы Парфии, — вопрос ближайшего будущего. Действительно, вскоре после описываемых событий, весной 54 г. до н. э. начался парфянский поход Красса.

Эти события отражены у античных авторов очень кратко: имеются два близких друг другу сообщения Диона Кассия (XXXIX, 56, 2) и Аппиана (Rom. Hist., XI, 8, 51), касающиеся этого вопроса в связи с рассказом об обсуждении в Риме дела Габиния; отрывок у Плутарха (Crass., 21), рассказывающий только о заключительном этапе борьбы, и одно место у Юстина (XLII, 4), несколько более пространное, но обедненное в значительной мере тем, что эпитоматор при сокращении, не поняв текста, спутал события царствований Митридата II и Митридата III. Противоречия между различными версиями у авторов не играют большой роли благодаря тому, что монеты дают достаточно отчетливую картину событий⁴: после убийства братьями Ородом и Митридатом своего отца Фраата III верховная власть в начале 57 г. до н. э. переходит к старшему из братьев — Митридату. После короткого правления он изгоняется Ородом и бежит в римскую Сирию. Здесь Митридат пытается получить помощь от римского проконсула Габиния. Последний сначала обещает ее, но, соблазненный более заманчивыми предложениями Птолемея IX Авлета, направляется с войсками в Египет. Несмотря на отсутствие прямой римской помощи, Митридат вторгается в Вавилонию, захватывает ее и даже пытается распространить свою власть далее на восток. Ород находит поддержку у правителя Сакастены Сулены, с его помощью отвоевывает корону, Селевкия беретса штурмом, Вавилон, куда бежит Митридат, принуждается к сдаче. Взятый весной 54 г. до н. э. в плен, Митридат по приказу брата был тогда же казнен. Такова внешняя картина событий, с небольшими разногласиями в деталях принятая в современной литературе⁵.

³ Только один источник Плутарха, использованный им при описании битвы при Каррах и последовавших за ней событий, стоит вне этих симпатий и антипатий. Ему в равной мере чужды и римляне, и парфяне. См. W. T a r n, *The Greeks in Bactria and India*, Camb., 1951, стр. 51.

⁴ R. H. M c D o w e l l, *Coins from Seleucia on the Tigris*, Ann Arbor, 1935, стр. 216.

⁵ D e B e v o i s e, ук. соч., стр. 75—78; Дьяконов, ук. соч., стр. 209 сл.; ср. R a w l i n s o n, ук. соч., стр. 147 сл.; G u t s c h m i d, ук. соч., стр. 86. Видимо, упоминаемая только Юстином, война Митридата III с Арменией — ошибка ав-

Более сложен вопрос о тех общественных силах, которые стояли за каждым из претендентов. Совершенно очевидно, что если Митридат и не пользовался прямой военной поддержкой римлян, то ему был обеспечен их благожелательный нейтралитет: он идет в поход, считая римскую Сирию своим тылом. Очень показательны, что Митридат даже в пору своих наивысших успехов не принимает титула βασιλεύς βασιλέων, тогда как на монетах Орода этот титул имеется всегда. Несомненно, в этом сказывается заискивание перед Римом (Debevoise, ук. соч., стр. 216). Решающую роль, однако, играла для Митридата поддержка греческих и восточных городов Вавилонии. Именно этот район становится главной его базой в войне. Пришедший из-за границы с незначительным числом сопровождавших его в изгнании людей, Митридат скоро оказывается в состоянии изгнать царя из Месопотамии. Как за сто лет до этого, в период походов Селевкидов (Деметрия II и Антиоха VII) за возвращение Вавилонии из-под власти парфян, именно греческие города предоставляли основные контингенты для этих приходящих из-за Евфрата претендентов (Just., XXXVI, 1; XXXIII, 10), так и сейчас греческие города поддерживают аршакидского царевича в его борьбе с законной властью. Причину этого, видимо, надо искать в проримских симпатиях Митридата, что сближало его с населением греческих городов, ненавидевшим парфян (Plut., Crass., 17) и видевшим в римлянах освободителей от гнета варваров. Взятие Селевкии итурмом войсками Сулены (там же, 21) возможно объяснить только тем, что в обороне города принимали участие и жители, так как абсолютно невозможно вести какую-либо оборону города с общей длиной стен около 300 стадий (Strabo. XVI, 1, 5) без активнейшей поддержки жителей. Упоминание Страбона о том, что Селевкия «теперь... опустошена» (νῦν... ἔρημος — XVI, 1, 5), может быть объяснено только как результат этого итурма и разграбления города, что было наказанием ему за поддержку соперника Орода. Очень показательны также чеканка городских монет в период этих событий: изображение богини-покровительницы Селевкии с пальмой победы в руке, приветствующей Митридата и коленопреклоненной перед сидящим на троне Ородом⁶. Столь же несомненна поддержка Митридата Вавилоном. Именно сюда он бежит после поражения в Селевкии (Just., XLII, 4). Правда, встает вопрос, не была ли эта поддержка исключительно делом рук греков, живших в это время в Вавилоне⁷. Но, безусловно, греки не исчерпывали все население Вавилона в парфянское время. Имеется целый ряд документов этого времени, свидетельствующий о наличии в городе и местного населения⁸. Устройство стен Вавилона⁹ и протяженность их (Strabo. XVI, 1, 5) были таковы, что только массовое участие жителей города в его защите могло обеспечить оборону. При враждебности или просто нейтралитете местного (негреческого) населения сколько-нибудь длительная оборона была невозможна. Между тем слова Юстина (Just., XLII, 4, 2) о том, что

тора, так как в напряженной внутренней обстановке этих лет вряд ли Митридат III мог решиться на войну, да еще с союзником Рима, у которого он сам искал поддержку.

⁶ Debevoise, ук. соч., стр. 77; McDowell, ук. соч., стр. 216; W. Tarn, Parthia, САН, т. IX, 1932, стр. 604.

⁷ О наличии греческого населения свидетельствуют греческие надписи — В. Hausoullier, Inscriptions grecques de Babylone, «Клио», IX (1909), стр. 352 сл. — и раскопки театра, гимнасии, персидского дома, улицы с портиками — R. Koldewey, Das wiedererstellende Babylon, B., 1925; F. Wetzel, E. Schmidt, A. Mallovič, Das Babylon der Spätzeit, B., 1957. Кроме того, известно, что Антиох IV считался ктисом Вавилона — см. Wetzel и др., ук. соч., стр. 72, № 30.

⁸ J. Kohler, A. Ungnad, 100 ausgewählte Rechtskunden der Spätzeit des babylonischen Schriftums, Lpz., 1909, № 97 сл.

⁹ F. Wetzel, Die Stadtmauern von Babylon, Lpz., 1930.

только голод вынудил вавилонян сдаться, прямо свидетельствуют о каком-то периоде успешной обороны города.

Также довольно ясно вырисовываются силы, которые стояли за Ородом. Это прежде всего те группировки парфянской знати, которые были связаны с восточными (иранскими) районами Аршакидской державы. Именно из Мидии, т. е. области, олицетворявшей для греков и римлян Иран, впервые изгоняют Митридата (Dio Cass., XXXIX, 56,2), и здесь впервые получает признание Ород (McDowell, ук. соч., стр. 214 сл.). Решающая роль в восстановлении власти Орода, приписываемая античной традицией Сурене (Plut., Crass., 21), также явно отражает значение восточных районов Парфии, так как доказано, что Сурена был правителем Сакастены¹⁰. Для характеристики социального состава сторонников Орода показательное участие знати в изгнании Митридата (Propter crudelitatem a senatu Parthico regno pellitur — Just., XLII, 4, 1).

Таким образом, в обстановке расширения римской агрессии и прямой угрозы парфянским интересам среди правящих слоев Аршакидского государства начинаются разногласия по коренному внешнеполитическому вопросу: проблеме взаимоотношений с Римом. Эти разногласия выливаются в борьбу претендентов на трон. Каждая из группировок имеет свою четко выраженную программу. В группировке Митридата можно видеть сторонников капитуляции перед Римом, признания зависимости от него. За такое же решение выступают руководящие круги греческих и восточных городов. Противоположная тенденция — тенденция бескомпромиссной борьбы с Римом за власть над Ближним Востоком, тенденция великодержавной политики. Выразителями этой тенденции в политике выступали круги знати, связанные с восточными районами Парфии¹¹. Победа этой группировки несомненно стала одной из главных причин последующих блестящих внешнеполитических успехов (разгром Красса, поход в Сирию, поражение Антония).

Следующая вспышка внутренней борьбы в Парфии следует непосредственно за разгромом Антония. Внешняя капва событий следующая: около 31 г. до н. э. против Фраата IV восстает некий Тиридат¹². Победенный Фраат бежит к «скифам». Однако в 30/29 г. до н. э. Фраат со своими «скифскими» войсками изгоняет Тиридата, который вынужден искать убежище в римских пределах (Debevoise, ук. соч., стр. 136).

Весной 26 г. до н. э. Тиридат вновь предпринимает попытку овладеть тронem. Нападение было столь внезапным, что он смог даже захватить гарем соперника (Isid. Char., Mans. Parth., 1). Видимо, в это время Тиридат чеканит монету с уникальной легендой ΦΙΛΟΡΩΜΑΙΟ¹³. Месопотамия оказалась в руках Тиридата, но распространить власть за ее пределы ему не удалось; более того, уже в конце лета 26 г. до н. э. Фраат вновь контролирует Месопотамию. В марте 25 г. до н. э. Тиридат вторично врывается в Месопотамию, но уже в мае Фраату удается восстановить свою власть над западной частью державы (McDowell, ук. соч., стр. 222). После этого Тиридат навсегда исчезает из поля зрения наших источников.

¹⁰ E. Herzfeld, Archaeological History of Iran, L., 1935, стр. 63; Tarn, The Greeks..., стр. 49.

¹¹ Виднейший представитель этих антиримских сил Сурена играл решающую роль как в разгроме Митридата, так и в поражении Красса.

¹² Just., XLII, 5, 4; Dio Cass., I, 18; см. также Ног., Epist., I, 12, 27—28; Od., I, 26,5. Ф. Кюмон предполагает, что именно Тиридат упоминается в плохо сохранившейся метрической надписи из Суз, хотя это и сомнительно (F. Cumont, Nouvelles inscriptions grecques de Suse, CRAI, 1930, стр. 211—220).

¹³ Devevoise, ук. соч., стр. 137; W. Wroth, Catalogue of the Coins of Parthia, L., 1903, стр. 135.

Даже столь скудные данные источников позволяют прийти к некоторым выводам о политической подоплеке этих событий. Хорошо заметно, что основной опорой романофильского кандидата на престол, как и ранее, были греческие и вавилонские города Месопотамии. Доказательством этому служит та легкость, с которой каждый раз Тиридату удается захватывать Месопотамию. Столь же ясна и внешнеполитическая программа этой группы — она по-прежнему проримская, ее достаточно характеризует чекан Тиридата. Несомненно и прямое участие Рима в предприятиях этого авантюриста. Очень показательны, что, переходя при Октавиане к новой политике на Востоке, официально сводившейся к отказу от завоеваний, римляне в то же время не отказывались от своих старых целей. Рим переходил к более гибкой политике использования внутренних противоречий в Парфии.

Как и прежде, основной опорой антиримского кандидата были восточные районы страны. Нумизматические данные с несомненностью свидетельствуют, что все попытки Тиридата прорваться за пределы Месопотамии, в восточные, собственно иранские районы, были тщетны. Показательна решающая роль «скифских войск» в восстановлении власти Фраата. «Скифские войска» — это, по всей вероятности, кочевые племена Средней Азии, связанные с Аршакидской династией (вероятнее всего — царны и дахи).

Новым явлением, которое можно заметить на этот раз, было участие какой-то части парфянской знати (*optimes* — Just., XLII, 5, 2) в предприятиях римского ставленника. Объяснение этому явлению, видимо, надо искать в факте оседания известной части парфян в Месопотамии, где они занимали высокие посты в государственном аппарате и в армии¹⁴. Живя бок о бок с греками, подвергаясь их влиянию, они стали смотреть на многие события глазами греков.

Таким образом, несмотря на некоторые новые черты, события времен борьбы Тиридата и Фраата идут в русле тех же самых тенденций, которые отмечались для предыдущего этапа во внутривосточной борьбе.

Наиболее важным этапом в этой борьбе было царствование Артабана III. Важность его обусловлена прежде всего тем обстоятельством, что именно с Артабана III начинается новая эпоха в развитии парфянской государственности¹⁵, и, кроме того, сравнительное обилие источников позволяет лучше, нежели ранее, представить себе подоплеку династической борьбы. События разворачиваются следующим образом¹⁶: после смерти Фраата III одна из групп парфянской знати возводит на престол римского ставленника Вонона¹⁷. Однако его проримская политика вызвала консолидацию всех «патриотических» сил, и вскоре против него выступил некий Артабан, сын наместника Гиркании и Кармании (по матери, видимо, Аршакид), как-то связанный с кочевниками северо-восточных районов Парфии¹⁸. Первая попытка Артабана захватить престол не удалась, он был разбит в 9/10 г. н. э.¹⁹. Но на восток власть Вонона распространилась только

¹⁴ См., например, данные по Паропотамской сатрапии — M. Rostovtzeff C. В. Welles, A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos, YCS, II, 1932, стр. 33—78.

¹⁵ U. Kahrsstedt, Artabanos III und seine Erben. Bern, 1950, стр. 11.

¹⁶ Мы касаемся только тех событий царствования Артабана III, которые непосредственно связаны с рассматриваемой проблемой, опуская, в частности, всю историю взаимоотношений с Арменией.

¹⁷ Та с., Ann., II, 1—2; Joseph, Ant., XVIII, 46; Mon. Ancyr., VI (33).

¹⁸ Дьяконов, ук. соч., стр. 224; ср. Kahrsstedt, ук. соч., стр. 11—16.

¹⁹ В честь этой победы Вонон чеканит монеты с изображением Ники и легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΟΝΟΜΝΗΣ ΝΕΙΚΗΣΑΣ ΑΡΤΑΒΑΝΟΝ (Debevoise, ук. соч., стр. 152; Wroth, ук. соч., стр. XLIII и 143), в факте появления которой Уввала

до Мидии (McDowell, ук. соч., стр. 223). Укрепившись в восточных районах, Артабан собирает армию. Новое его выступление против Вонона было успешным²⁰. В дальнейшем среди части знати созревает заговор против Артабана. Заговорщики входят в сношения с Римом, который выставляет сначала одного, а затем и другого претендента на парфянский престол. Последний из них — Тиридат III — довольно быстро захватывает Месопотамию. Артабан скрывается на востоке (Тас., *Ann.*, VI, 36; Joseph., *Ant.*, XVIII, 100). Вскоре он, однако, оправляется от понесенных поражений и, собрав на месте значительные силы, наносит Тиридату решительный удар, изгнав его из пределов Парфии.

В этой борьбе очень отчетливо просматриваются те силы, которые стоят за спиной соперников. Римских ставленников, как обычно, поддерживают города Вавилонии (Тас., *Ann.*, VI, 41—42). Причем Тацит подчеркивает, что Тиридат занял как греческие города, так и Гал, и Артемиду — «города парфян». Видимо, справедливо предположение, что разница между этими двумя категориями городов заключалась в том, что «города парфян» были даже и внешне лишены полисной автономии (Пигулевская, ук. соч., стр. 67). У Иосифа Флавия имеется сообщение о том, что Артабан собирался использовать небольшое царство братьев-евреев Анилея и Азилия против тех своих сатрапий, которые восстали или собирались восстать²¹; там же говорится о враждебных отношениях между Артабаном и Селевкией (Joseph., *Ant.*, XVIII, 9, 9). Вмешательство Рима во внутренние дела Парфии проявляется гораздо сильнее, чем раньше. Проконсул Сирии с армией сопровождает Тиридата до границ Парфии и делает внушение вельможам о необходимости повиновения царю — ставленнику Рима (Тас., *Ann.*, VI, 43). После поражения Тиридата между Римом и Парфией ведутся переговоры и заключается мир, как после официально объявленной войны (Joseph., *Ant.*, XVIII, 4, 5).

Противниками этой проримской группировки, состоящей, как и ранее, из верхушки городов Месопотамии и части парфянской знати, являются сторонники Артабана III. Сообщения Тацита и Иосифа Флавия показывают нам то идеологическое знамя, под которым выступает эта группа. Ее возмущает, что престол Аршакидов раздается как римская провинция, ее неудовольствие подогревается близостью царя к грекам (Тас., *Ann.*, II, 2). Борьба с Римом и римскими ставленниками идет под знаком борьбы за восстановление державы Кира и Александра (Тас., *Ann.*, VI, 31; Dio Cass., LXVIII, 26; Suet., *Tiber.*, 66). Артабан — ставленник этой группировки, сторонник твердой внешней политики — ведет ожесточенную борьбу с Римом, в частности, за контроль над Арменией. Во внутренней политике он стремится ограничить самоуправление греческих городов²².

склонен видеть сильное влияние греческой культуры и образованности на Вонона — J. M. Unvala, *The Observations on the Religion of Parthians*, Bombay, 1925, стр. 6, прим. 4.

²⁰ Joseph., *Ant.*, XVIII, 48—50; McDowell, ук. соч., стр. 187; Debevoise, ук. соч., стр. 152.

²¹ Joseph., *Ant.*, XVIII, 9, 3: βασιλεὺς χυρῶν ἐντοπιζμάτων τῇ ἀρετῇ τῶν Ἰουδαίων ἀδελφῶν εἰς φίλιαν κτήσασθαι τῶν ἐκείνου σατραπειῶν ἐν πλοστᾷ τε οὖσαν καὶ διανοίᾳ τοῦ πλοστῆζομένου μέλλων ἐλίσσειν ἐπ' αὐτοῖς. По контексту ясно, что имеются в виду сатрапии, находящиеся в западной части державы, — Месопотамия, Вавилония, Паропотамия, где находилась основная масса греческих городов.

²² Он ограничивает самоуправление Селевкии — одного из главных оплотов своих врагов (Тас., *Ann.*, VI, 42). Тацит ясно показывает, что в обычной обстановке город был в значительной мере независим от центральной власти и возможность для вмешательства Артабана создавалась только благодаря раздорам между «народом и сенатом». Не имея достаточно сил, чтобы уничтожить автономию города, Артабан поддерживает олигархию, передает ей всю власть, правильно понимая, что, иди этим

Ясно видно, что значительные группы парфянской знати поддерживали Артабана. Достаточно вспомнить рассказ Тацита о Фраате и Гиероне, сначала отказавшихся прибыть на коронацию Тиридата, а затем примкнувших к Артабану (Тас., Анн., VI, 42—43). Опорой Артабана III в его борьбе с проримскими ставленниками являются северо-восточные провинции, откуда он черпает силы для наступления (Joseph., Ant., XVIII, 4, 4; Тас., Анн., II, 3; VI, 44) и куда он отступает в случае неудачи (Joseph., Ant., XVIII, 4, 4; Тас., Анн., VI, 36). Тесно связан Артабан с кочевыми племенами Средней Азии. Согласно Тациту (Анн., II, 3; VI, 36), он либо находился в родстве с дахами, либо воспитывался среди них; его контингенты в значительной мере состоят из воинов этих племен (Joseph., Ant., XVIII, 4, 4; Тас., Анн., VI, 44). Важную роль во внутриполитической борьбе играют евреи Месопотамии, поддерживающие Артабана III против проримских ставленников (Joseph., Ant., XVIII, 9, 3).

Итак, во всех этих междоусобных войнах во второй половине I в. до н. э. — начале I в. н. э. противостоят две группировки правящих кругов Парфии. С одной стороны, это — верхи греческих и восточных городов Месопотамии и Вавилонии и некоторая часть парфянской знати, осевшая на западе. Другую группу составляла парфянская знать, связанная с восточными, иранскими территориями царства Аршакидов. Политической программой первой группировки является союз с Римом. Трудно решить, каковы были конечные цели руководителей этой группы — стремились ли они к подчинению Риму и вхождению в состав его владений или хотели только использовать силу Рима для нейтрализации своего врага — Аршакидской династии, имея идеалом независимость от тех и других²³. Вторая группировка стремилась проводить великодержавную политику, мечтая о восстановлении державы Кира и Александра. Попытки восстановления границ державы Ахеменидов нашли свое выражение в походах в Сирию и Малую Азию. Во внутренней политике эта группировка пыталась ограничивать самоуправление греческих городов.

Сложность и ожесточенность внутриполитической борьбы усугублялась тем, что за каждой из них стояли обширные области Парфии, важные как в политическом, так и в экономическом отношении. Эта глубокая противоположность двух частей державы прекрасно сознавалась в древности. В описании Парфии, сделанном Исидором Харакским на рубеже н. э., хорошо заметно, что Месопотамия, Вавилония, Аполлонитида, Халлонитида, т. е. сатрапии, которые составляют Месопотамию в широком смысле этого слова, резко отличаются от остальных районов Парфии. В отношении первых Исидор пишет о *ὄψιραις, ὄψιραις σταθμὸς βασιλικὸς, ὄψιραις κοινὸς πόλις*, т. е. таких пунктах, в характере которых автор стремится подчеркнуть военно-оборонительные функции; в то же время в других районах Парфии подобные поселения не упоминаются совершенно. Это объясняется, конечно, не тем, что в других районах Парфии не было крепостей, — до-

путем, он сможет прийти и до конечной цели — полного лишения города автономии (см. Пигулевская, ук. соч., стр. 68). Властно вмешивается он и во внутренние дела Суз, добиваясь избрания своего ставленника (см. Г. А. Кошеленко, Городской строй полисов Западной Парфии, ВДИ, 1960, № 4, стр. 80).

²³ Сколько-нибудь твердых оснований для того или иного решения нет, но если учесть политические симпатии и антипатии основного источника Плутарха для биографии Красса (впервые установлен К. Реглингом, De belli Parthici Crassiani fontibus, 1889, стр. 8—11), автором которого был месопотамский грек, равно ненавидевший как Красса, так и Сурепу (Гарн, The Greeks..., стр. 51), то можно предположить, что и второе решение могло пользоваться симпатиями среди какой-то части греческого населения.

статочко вспомнить крепости Парфиены и Маргианы²⁴. Видимо, автором подразумевается нечто другое: не просто крепость, а крепость с функциями обороны не столько против внешнего врага, сколько против ненадежного населения Месопотамии. Подтверждение этому можно найти и у Диона Кассия (LX, 14), где также подчеркивается военный характер поселений парфян в Месопотамии. Глубокие различия двух основных частей Парфянской державы отмечались также Плинием, писавшим о 18 парфянских царствах, распавшихся на две группы — в 11 и 7²⁵. Более точно южную границу верхних царств, которые включают основные ираноязычные районы Парфии, Плиний дает в другом месте (*Nat. Hist.*, VI, XXIX, 116), где подчеркивает, что граница эта проходит через Мидию. Страбон в описании Парфии как пчело этнографически целое выделяет земли вавилонян (*Strabo*, XVI, 1, 8), противопоставляя тем самым их остальным парфянским областям. Отголоски этой традиции можно найти и в более поздней арабоязычной литературе (в частности у Табари), где различаются владения парфян в широком смысле и собственно владения парфянского царя, включавшие Мидию и более восточные районы²⁶.

Эта четкая традиция находит прямое подтверждение в археологическом материале. Глубочайшие различия двух основных частей Парфии — Месопотамии и восточных районов²⁷ — заметны во всех аспектах материальной и духовной культуры. Основную массу населения Месопотамии составляло коренное местное семитоязычное население, сравнительно высок был процент греков. Ираноязычное население здесь было крайне немногочисленным²⁸. Архитектура Селевкии на Тигре — этого важнейшего греческого города Месопотамии — показывает решительное преобладание эллинских культурных традиций²⁹. Только после 43 г. н. э. городская архитектура принимает восточные черты, но как здесь, так и при происходящей несколько ранее ориентализации культуры малых греческих городов типа Дура-Европос, восточные черты, которые становятся господствующими в их культуре, восходят не к иранским культурным традициям, а к местным семитским³⁰. Иранские храмы, за исключением Хатры, не известны нигде в Месопотамии.

Полисная организация греческих городов и близкая ей организация

²⁴ Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры Южной Туркмении эпохи рабовладения и феодализма, М., 1958, стр. 26 сл.; она же с. Парфянские крепости Южного Туркменистана, ВДИ, 1952, № 2, стр. 215 сл.

²⁵ P l i n ., *Nat. Hist.*, VI, XXIX, 1 — Regna Parthorum duodeviginti sunt omnia: ita enim dividunt provincias, circa duo ut diximus maria, Rubrum a meridie, Hyrcanum a septentrione. Ex iis xi quae superiora dicuntur, incipiunt a confinio Armeniae, Caspique littoribus: pertinent ad Scythias, cum quibus ex aequo degunt. Reliqua VII regna inferiora appellantur.

²⁶ В. Г. Л у к о н и ц, Иран в эпоху первых Сасанидов, Л., 1961, стр. 19.

²⁷ Из числа этих районов необходимо исключить Персиду, у которой была своя особая судьба, — из зависимого от парфии государства Персида превратилась со временем в ядро новой иранской державы — державы Сасанидов.

²⁸ Например, в Дура-Европос — F. S u m o n t, Fouilles de Doura-Europos, P., 1926, стр. 343. Значительное число персов и парфян появилось здесь только в последние годы жизни города, в период уже после падения Аршакидов — см. J. P a r t a t a, Die parthischen Ostraca aus Dura-Europos, Budapest, 1958, стр. 152 сл.

²⁹ N. M a n a s s e h, Architectural Features of Block «B», «Second Preliminary Report upon the Excavations at Tel Umar, Iraq», Ann Arbor, 1933, стр. 1 сл.; N. C. D e b e v o i s e, Parthian Pottery from Seleucia, Ann Arbor, 1934, стр. 8 сл.; R. H. M e D o w e l l, The Excavations at Seleucia on the Tigris, «Papers of Michigan Academy of Science, Arts and Letters», XVII, 1932, стр. 101—119.

³⁰ См. нашу рецензию на кн. Лозинского (Ph. L o z i n s k y, The Original Homeland of Parthian, S'Gravenage, 1959) в СА, 1961, № 2, стр. 309.

восточных городов в храмовые коллективы³¹, когда жители городов пользовались значительной долей автономии, была глубоко враждебна великодержавным тенденциям аршакидского дома. Поэтому постоянным стремлением династии было свести на нет эту автономию³². Эти посылки были тем более враждебно встречены населением городов, что приход парфян в Месопотамию и падение селевкидского господства означали для греческого населения отмену привилегий, лишение ставшего уже привычным положения опоры династии и господствующей части населения. Все это порождало постоянные враждебные отношения между парфянами и греческим населением городов, о которых единодушно сообщают античные авторы (Just., XXXVI, 1, 13; XXXVIII, 10, 5—6; Dio Cass., XL, 13; Plut., Crass., 17), а эти враждебные отношения в свою очередь вызвали то состояние военной оккупации Месопотамии, которое окончилось только во II в. н. э. Показателем в этом отношении пример Дура-Европос. Имеются яркие доказательства того, что именно в это время Аршакидская держава получила уверенность в лояльности жителей города, видимо, заинтересовав их в торговле по «великому шелковому пути». Внешним выражением этого было то, что практика назначения эпистата центральной властью для контроля над городом сменяется практикой назначения эпистатом избранного жителями стратега. Она нарушалась только в чрезвычайных случаях.

В обстановке постоянного давления со стороны центрального правительства только такой могущественный и богатый город, как Селевкия на Тигре, до 43 г. н. э. мог сохранить реальную автономию. Достаточно вспомнить сообщение Страбона о том, что в Селевкии не было парфянских войск и скифов (Strabo, XVI, 1, 16). В Селевкии не известен ни один чиновник, обязанности которого были бы схожи с функциями эпистата, за исключением Ахея, с которым так жестоко расправились жители города (Diod., XXXIV — XXXV). Все это может подтвердить предположение, что в 140 г. до н. э. Селевкия не была взята, а сдалась на каких-то определенных условиях³³.

Таким образом, глубоко своеобразная в культурном и, возможно, социальном отношениях, Месопотамия была в известной мере чужеродным телом в составе Аршакидской державы. Постоянная враждебность значительной части ее населения по отношению к правящей династии вызвала ответные меры военного подавления, но огромное экономическое значение этих районов заставляло правительство искать более осторожный подход к ним; проявлением этого было стремление заинтересовать руководящие круги некоторых городов в обширной международной торговле, известная автономия Селевкии и широко рекламируемое «филэллиниство» Аршакидов.

Основной и настоящей опорой династии в противовес ненадежной Месопотамии были северо-восточные районы Парфии. Они сыграли выдающуюся роль в истории Аршакидской державы. Эти районы включали Мидию, Парфиену с Хоареной и Комисеной, Арию, Маргиану, Астауену, Апаварктикену, Сакастену.

Некоторые земли этого района — чрезвычайно плодородны и богаты, особенно Мидия и Маргиана. Так, о равнинной Мидии Страбон говорит, что она «очень плодородна, производит всякие растения» (XI, 13, 7).

³¹ Г. Х. Саркисян. О городской земле в Селевкидской Вавилонии, ВДИ, 1953, № 1, стр. 59—73; А. Г. Перханийн, Храмовые объединения Малой Азии и Армении, М., 1959, стр. 11.

³² Кошеленко, Городский строй..., стр. 82.

³³ Тагп, The Greeks..., стр. 30; см. также Тагп, САИ, IX, стр. 580.

Страбон особо отмечает важнейшее значение в системе парфянского государства столицы Мидии Экбатан, подчеркивая, что они являются великим городом, одной из резиденций парфянских царей, удобным и надежным местом их пребывания³⁴. О плодородии Мидии писал через двести с лишним лет и Аммиан Марцеллин (XXIII, 3, 5; 6, 29). Он подчеркивает ее богатство и величайшее значение (XXIII, 6, 34). О Маргиане Страбон сообщает, что она и Ария — самые лучшие местности этой части Азии (XI, 10, 1). Он же говорит об огромном плодородии почв Маргианы (XI, 10, 2). Огромное значение имел центр Маргианы — город Мерв, богатейший и крупнейший городской центр Средней Азии. Славилась Маргиана и своим ремеслом. Здесь изготовлялись оружие и доспехи (Plut., Crass., 24). Маргианское железо высоко ценилось в Риме; считали, что оно уступает только китайскому (Plin., Nat. Hist., XXXV, 145). О богатстве и большом значении северо-восточных областей Парфии упоминают и китайские источники, которые также различают восточные районы Парфии — Аньси и Таочжи — западные районы ее³⁵. Китайские авторы неоднократно говорят о многочисленности городов в восточных районах, отмечают высокий уровень ремесел, обилие населения и многочисленность войск³⁶.

Важной особенностью этих районов Парфии является их тесная связь с кочевыми племенами. Это «соотношение между оседлостью одной части» восточных племен и «продолжающимся кочевничеством другой части» Маркс считал чертой, свойственной «всем восточным племенам... с самого начала» их истории³⁷. Античные авторы постоянно подчеркивают родство парфян с окружающим их кочевым миром³⁸. Тесная связь кочевников с оседлым населением проявлялась, например, в родственных отношениях, существовавших между представителями правящих родов кочевых племен и знатью оседлых районов³⁹. Так, об основателе парфянской династии Аршаке говорилось, что он скиф (Strabo, XI, 9, 2), родство основателя династии младших Аршакидов Артабана со скифами также отмечается источниками (Tac., Ann., II, 3; VI, 36). Кочевые племена служат глубоким тылом для правителей Парфии в случае опасности. Будучи побежден в борьбе с Селевком Калиником, царь Аршак находит убежище у асиаков (Strabo, XI, 8, 8). Как уже отмечалось выше, апаголичной была судьба Артабана III. Выше писалось также и о большой роли контингентов из кочевых племен в последующих событиях.

В этих районах реакция против эллинистических влияний началась ранее, чем где бы то ни было в Парфии. Очень показательны в этом отношении просопографические данные, предоставляемые налоговыми документами из Нисы. Все чиновники, имена которых нам известны, — парфяне⁴⁰, вся отчетность по налоговому обложению ведется на парфянском языке (там же, стр. 30 сл.). На монетах, выбитых на монетных дворах этого района, греческие легенды были заменены пехлевийскими раньше, чем в других районах Парфии, что также отражает вытеснение

³⁴ Strabo, XI, 13, 1. Надежность Экбатан для парфянских царей подчеркивает и Курций Руф (V, 7, 1).

³⁵ М. Е. М а с с о н, Народы и области Южного Туркменистана в составе Парфянского царства, Труды ЮТАКЭ, т. 5, Ашхабад, 1955, стр. 30.

³⁶ Н. В и ч у р и н, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1951, стр. 151, 153.

³⁷ К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с е, Избранные письма (Маркс — Энгельсу от 2 июня 1853 г.), Госполитиздат, 1947, стр. 73.

³⁸ Plin., Nat. Hist., VI, XXIX, 142; Strabo, XI, 9, 2.

³⁹ См. С. П. Т о л с т о в, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 234 сл.

⁴⁰ И. М. Д ь я к о в о в, В. А. Л и в ш и ц, Документы из Нисы I в. до н. э., М., 1960, стр. 23.

из официальной сферы греческого языка языком пехлеви⁴¹. Архитектура парфянских городов и крепостей этого района глубоко самобытна, в ней почти совершенно не сказываются эллинистические влияния⁴². На смену синкретическим религиозным верованиям, несущим явные свидетельства сильных эллинистических влияний (достаточно вспомнить, например, изображения на ритонах Нисы⁴³), в это время приходит система возрожденного зороастризма. В парфянское время составляются некоторые важнейшие части «Авесты»⁴⁴; теперь с большей уверенностью можно говорить о том, что первая кодификация Авесты происходит именно в аршакидское время при Валкаше (Вологезе) I (51—78 гг. н. э.)⁴⁵. Подтверждением этому служит сообщение Юстиана о зороастрийском способе погребения, приурочиваемое им точно к этому району (Just., XI, 3, 5). Другим подтверждением тому, что именно в Парфии начинается оформление догматического позднего зороастризма, является почти полное отсутствие здесь terra-cotta фигурок божеств, находки которых так обильны в остальных районах Средней Азии. Это, видимо, может быть связано с запрещением идолопочитания в «Авесте». В Мидии находился главный центр зороастризма — храм в Гапдзаке (Массон, Народы..., стр. 55). В Нисе была родовая усыпальница Аршакидов (там же, стр. 28). Почти все известные здесь святилища несут явные следы ахеменидских влияний, подчеркивая тем самым важность иранских традиций. Это — храмы Фрааспы (Гапдзака), храм в Кух-и-Ходжа, храмы Персиды (Персеполь и Нурабад). Несомненно, древним традициям следует и так называемый «квадратный зал» Нисы.

Как уже отмечалось, господствующая здесь парфянская знать, опираясь на ресурсы своих богатых областей и на помощь кочевых племен, стремилась к проведению великодержавной политики, боролась против каких-либо уступок Риму. Свообразным манифестом этой группировки парфянской знати явилась речь сына Артабана III Орода перед войсками. По словам Тацита (Ann., VI, 42), он говорил о владычестве над Востоком, о громкости империи Аршакидов. Эта великодержавная тенденция в политике окончательно возобладали при младших Аршакидах — выходцах именно из этого района.

Итак, нам представляется возможным считать, что внутривнутриполитическая борьба в Парфии, которая нашла свое внешнее выражение в форме династической борьбы, была в действительности борьбой двух течений в господствующем классе державы: населения греческих и вавилонских городов Месопотамии, получивших поддержку у жившей в Месопотамии и эллинизовавшейся части парфянской знати, и той частью парфянской знати, которая, опираясь на коренные районы Парфии, стремилась к широким внешним завоеваниям, к ограничению автономии греческих городов Парфии. Решающим пунктом, где сталкивались интересы этих группировок, было отношение к Риму: капитулянтское — у первых и агрессивное — у вторых.

⁴¹ В. М. М а с с о н, Денежное хозяйство Средней Азии по нумизматическим данным, ВДИ, 1955, № 2, стр. 41.

⁴² Г. А. П у г а ч е н к о в а, Архитектура среднеазиатской античности, ВДИ, 1951, № 4, стр. 185 сл.; о н а ж е, Парфянские крепости..., стр. 215 сл.; о н а ж е, Пути развития архитектуры..., стр. 26 сл.

⁴³ М. Е. М а с с о н, Г. А. П у г а ч е н к о в а, Парфянские ритоны Нисы, Ашхабад, 1959, стр. 156 сл.

⁴⁴ Например, «Вендидат», 9 янт; может быть, 16 янт. См. А. С h r i s t e n s e n, Études sur le Zoroastrisme de la Perse antique, Copenhagen, 1928, стр. 43 и хронологическая таблица; ср. E. H e r z f e l d, Zoroaster and His World, II, Princeton, 1947, стр. 738

⁴⁵ Д в я к о в о в, Л и в ш и ц, ук. соч., стр. 24.

Очень вероятно, что в основе совершенно различного подхода к важнейшим проблемам внутренней и внешней политики этих двух групп правящих слоев Парфии лежат глубокие отличия в социально-экономических отношениях в западной и восточной частях Парфии. Однако скудость документального материала заставляет нас говорить об этом в самой предположительной форме.

Несомненно, что в Месопотамии рабовладельческие отношения, хотя и в форме, отличной от классического рабства Греции и Рима, существовали с древнейшего времени. Греческое завоевание, строительство греческих городов, большая роль греческого населения, сближение греческих и восточных городов в эпоху Селевкидов — все это способствовало дальнейшему развитию здесь рабовладельческих отношений, сближению их с формами античного рабства, господствовавшими в Средиземноморье⁴⁶.

Иное положение сложилось на востоке Парфии. Некоторые области этой державы, такие как Парфияна, Маргана, Сакастена, сравнительно поздно вступили на ступень классового строя. Большой интерес в этой связи представляет свидетельство Страбона о том, что в своих нравах парфяне сохранили много варварского и скифского (Strabo, XI, 9, 2). Это сообщение нельзя трактовать иначе, как указание на существование у парфян пережитков первобытнообщинного строя. Таким пережитком общинно-родового строя является некоторое, хотя и незначительное, ограничение царской власти двумя советами — советом родовой знати, куда входили представители рода Аршакидов и, по-видимому, шесть других знатных парфянских фамилий, и совета жрецов-магов (Strabo, XI, 9, 3). Подтверждением этому служит и знаменитое сообщение Юстина (Just., XLI, 2—3) о составе парфянского войска. Анализ этого сообщения⁴⁷ убеждает в том, что формы зависимости населения коренных областей Парфии были иными, тяжелее классического рабства, более мягкими и, вероятно, более примитивными. Сильные пережитки первобытнообщинного строя, в частности военной демократии, накладывали свой отпечаток на направленность социальных чаяний знати коренных районов обитания парфян. Эта знать видела основной источник усиления своего могущества и богатства в непрерывных войнах, обогащавших ее лично, поднимавших ее значение как главной военной силы государства⁴⁸.

В то же время в Месопотамии — стране с многовековыми традициями рабовладельческого строя — господствующие слои видели главный источник своего обогащения в правильном рабовладельческом хозяйстве, а постоянные войны с неизбежным нарушением ритма хозяйственной жизни, прекращением торговли, смутами и неуверенностью были для них менее привлекательными тем более, что греческое и семитское население Месопотамии вряд ли играло сколько-нибудь серьезную роль в составе

⁴⁶ А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 28; И г у л е в с к а я, ук. соч., стр. 94; А. Г. Б о к щ а н и н, Парфия и Рим, М., 1960, стр. 132 сл.

⁴⁷ Л. А. М а н а н д я н, Проблема общественного строя доаршакидской Армении, «Исторические записки», т. 15, 1945, стр. 19; И г у л е в с к а я, ук. соч., стр. 94 сл.; М а с с о н, Народы..., стр. 36 сл.

⁴⁸ Подтверждением этому может служить известное место у Фавстоса Бузанда, где говорится об обстоятельствах принятия христианства одной из групп прикаспийского населения, во главе которой стояли потомки Аршакидов. Уже окрещенные, они отказались от этой религии, поскольку она запрещала разбойничьи набеги (Ф а в с т о с Б у з а н д, История Армении, перевод М. А. Геворгияна, Ереван, 1953, стр. 14). Так выглядит это событие в описании христианского писателя апологета. Но за его морализаторскими сентенциями ясно видны некоторые черты мировоззрения верхушки этих полукочевых племен, тесно связанных с домом Аршакидов и бывших одним из самых главных источников их военной силы.

парфянского войска, как это доказывают, например, битва при Каррах и поход Антония. Все это приводило к тому, что руководящие слои этой части Парфии, вероятно, видели в римской власти меньшее зло. Их, видимо, привлекала большая централизованность, организованность и сила Римской империи по сравнению с Аршакидской державой, более аморфной, имевшей в своем государственном устройстве некоторые пережитки первобытнообщинного строя.

